

Гинтарас
Береснявичюс

**ВОЛЧОК, ЮЛА
И МЕДНЫЙ ВЕТРЬ**

Художник
Лина Дудайте



ВОЛЧОК, ЮЛА И МЕДНЫЙ ВЕТРЬ



Gintaras Beresnevičius

KAUKUČIAI IR VARINIS ŠERNAS

Iliustravo Lina Dūdaite



Nieko rimto

Гинтарас Береснявичюс

ВОЛЧОК, ЮЛА И МЕДНЫЙ ВЕТРЬ

Иллюстрации Лины Дудайте

Перевод с литовского Александры Васильковой



МИР  ДЕТСТВА МЕДИА

Москва, 2010



Кто в лесу живёт

В древней чаще Леса, в самой глуши, там, где теснятся дуплистые, ветхие дубы и куда не ступала нога человека, кипит жизнь. Одни летают, другие бегают, третьи крадутся, а вот не пойми что белёсое в воздухе колышется – то ли тумана клочок, то ли и впрямь лесной житель...

Куда ни глянь – Лес со всех сторон, ни в ширину, ни в глубину его не измеришь, чьими шагами ни мерь. Потому никто и не знает, какой он, этот Лес, на самом деле.

Здесь, в лесной глуши, царит вечный сумрак. Хорошая вещь сумрак – кого не желаешь видеть, того можешь не замечать. А захочешь кого-нибудь позвать – достаточно шепнуть, и сосед или родич услышит. Тут звуки приглушённые, сдержанные, а если кто зашумит – значит, по лесным обычаям так положено.

Лесовики между собой в родстве, встречаются и дружат. Бывает, конечно, что не ладят, но редко.

Всё лесное население ведёт свой род от деда Пушкайтиса, из земли выросшего, и его жены Ракиты. Если присмотреться, оба напоминают стронувшиеся с места деревья. Хотя не всегда они бродят по Лесу, иной раз и останавливаются: если уж очень донимает





беспокойное потомство, Пушкайтис скрывается в кусте бузины, а жена его ракитой и оборачивается. А случится что-нибудь серьёзное или понадобится о важном деле поговорить – идут к ним и кáуки, и барздúки – длиннобородые гномы, и бездúки, и маркóполи. И огненные áйтвары прилетают.

Живут в Лесу долго, много-много столетий, и никто здесь не умирает, а только засыпает, обернувшись деревом, если жить надоест, да и такое редко случается. Вот дедушка Пушкайтис вечно грозитя уснуть вечным сном, забравшись в куст бузины, но не удаётся ему поспать – то мудрый совет молодым требуется, то выбрать кого-то надо... Под бузиной Пушкайтис обустроил себе скромное жильё на старинный лад. Спит на куче листьев в углу, а притулившаяся в другом углу моховая кочка может превратиться и в лежак для гостя, и в буфет, и в письменный стол, за которым дедушка всё собирает когда-нибудь написать мемуары. Есть у него там и уютный закопчённый очаг, и потому из-под бузины непрерывно валят клубы дыма. «Словно из преисподней», – жалуются лесовики. А что поделаешь: не любит дедушка





ни новой мебели, ни глиняных печек, говорит, в старину все так жили и здоровенькие были. Ну пропахло всё кругом дымом – и что с того? «Навидумывали тоже – столы, стулья, – ворчит Пушкайтис, – дереву расти надо, а не чтобы всякие сорванцы на нём блины уплетали».

Бабушка Ракита день-деньской шуршит по кустам, собирает ягоды и грибы для всей родни, рвёт заячью капусту на щи, а потом всё это квасит, сушит, варит – словом, хлопочет, как трудолюбивая белка. Вечно ей кажется, что без её запасов многочисленному семейству может не хватить каких-нибудь даров леса, и сама мысль об этом так её пугает, что бабушка, едва сняв с огня черничное варенье, бежит собирать орехи, а доверху засыпав кадку орехами, со всех ног кидается за белыми грибами. И, хотя лесовики и сами прекрасно умеют о себе позаботиться, всё набивает и набивает кладовку, которая и так уже ломится от всякого добра.

А что же у неё за родня? Да вот, например, кауки. Каукас считается ребёнком, пока девятьсот лет не стукнет, так что герои нашей сказки хоть и дети ещё, но по человеческим понятиям – старые-престарые старички. Вообще кауки возраст считают только до второй тысячи лет, а потом бросают, и всё тут, просто живут себе дальше,

трудятся – они работающие и в ремёслах искусные. Ростом взрослый каукас человеческому ребёнку по колено, у всех у них мягкая шёрстка, любопытные мордочки, а на лапках – острые коготки. Едят они всякие каши, крутые яйца, словом, только варёное.

Родственники кауков айтвары совсем на них не похожи. Когда айтварас сидит где-нибудь на пеньке, он напоминает огненного петуха с бородатым человеческим лицом, но в полёте оборачивается пылающей кочергой или огненным ужом. Айтвары любят утаскивать к себе в гнёзда золотые вещицы, красивые камешки или зёрна, а едят только печёное или жареное. Их какой-нибудь кашкой не накормишь, им подавай жаркое или яичницу, не откажутся и от омлета или блинов. С ними надо быть поосторожнее, с непривычки обжечься можно.

Барздуки немного похожи на кауков, но помельче. Они так и рождаются с бородой, даже девочки, и страшно гордятся этим: барздучихи для красоты вплетают в бороды разноцветные ленточки. Барздуки вечно заняты и озабочены, а выпадет свободная минутка – любят покатать рипку (это примерно как у людей погонять шайбу, только рипка в два раза больше). Они умеют добывать из болотной руды железо, но обрабатывают его кауки. Бездуки – самые весёлые жители Леса, они знают много разных танцев, игр и песен, но в песнях, правду сказать, бездуки охотнее всего прославляют самих себя. И всё-таки на больших лесных праздниках они совершенно незаменимы.

А маркополи – это крепко сбитые человечки ростом примерно в пядь, но именно про таких говорят «мал, да удал»: стойкими и отважными их сделали долгие века жизни на самой окраине Леса.

Сон погнал в дорогу

Волчка и Юлу разбудил шелест дождя в листьях дуба. А может, их и не дождь разбудил, может, им просто скучно сделалось. Сколько можно лежать на одном и том же месте и смотреть один и тот же сон!

– С добрым утром, сестрёнка, – поздоровался Волчок. – Ну что, опять коня видела?

– Привет, братец, – откликнулась Юла. – Да, опять коня, только сегодня было ещё хуже, потому что не того коня, а другого.

Брат с сестрой договорились ни в коем случае не впускать в свои сны Белого Коня.





с золотой звездой
во лбу – и, конечно
же, он, словно на-
зло, снился им каж-
дую ночь. Юла,
как и положено девоч-
кам, знала толк в ворож-
бе, чуточку разбиралась
в магии и понимала, от-
куда берутся сны и что
они означают, а вот выгнать
этого коня из своих и Волчка
сновидений никак не могла...
Просыпаясь раньше брата,

она слышала, как тот криками отгоняет от себя коня, и жалела, что нельзя взять с собой в сон волшебную палочку. Была бы у неё волшебная палочка, она могла бы коня в кого-нибудь превратить, например, в дракона, – а с драконами кауки дружили с глубокой древности, ещё с тех времен, когда озёра по небесам облаками плавали.

Брат и сестра, свернувшись клубочком каждый в своей постели, вслушивались в шелест дождя. Примириться с появлением в их снах этого Белого Коня они не желали, оба чувствовали: что-то здесь не так.

– Может, его озёрные ведьмы присылают? – вслух подумал Волчок. – Может, они заколдовать нас хотят?

– Да ну... Какое до нас дело озёрным ведьмам? – отозвалась Юла. – Мы ведь не суёмся по вечерам к озеру клыки свои чистить, как бездуки какие-нибудь. А папа старый мостик поправил, чтобы им было где вечерами сидеть и волосы расчёсывать или бельё полоскать.

– Надо во всём этом разобраться, – решил Волчок. – Только вряд ли мы что поймём, если будем сиднем сидеть... Надо бы сходить к какому-нибудь мудрецу и поспрашивать насчёт коня.

– Ага, точно! – согласилась Юла. – И даже не обязательно искать



какого-то особенного мудреца, потому что про нашего коня может знать тот, кто насылает нам этот сон, или тот, кто видел такой же сон, или тот, кто видел того, кто этот сон наслал...

– Или сам конь, – подумав, добавил Волчок.

– Дети, завтрак на столе! – слышался мамин голос.

Каучата неохотно вылезли из кроваток и съехали вниз по гладкому столбику, который их отец, мастер на все лапы, для них выстрогал. Конечно, из детской вниз вела и лесенка, но они упросили папу сделать столбик – так ведь быстрее спускаться, правда?

– Доброе утро, мамуль, – поздоровался Волчок, покосившись на миску с водой и лежащий рядом кусок мыла. – А можно мне сегодня не умываться? Вылезу под дождь, задеру голову и постою немножко, заодно и зубы сами почистятся.

– Ну и лентяй же ты у меня, – мама не рассердилась, но щётку и коробочку с порошком из дубовой коры всё равно взять заставила.

Волчок, вздыхая, почистил клычки, потёр мокрыми пальцами глаза и сел за стол.

Дети съели по глубокой тарелке каши. Юла – без всяких капризов, а её братишка – подвивая, отдуваясь и закатывая глаза. Ему бы вместо каши сгрызть парочку засахаренных орешков, даже одного хватило бы – да где там, мама почему-то решила, что детям полезно только всё невкусное, и это было с её стороны не очень-то умно. А засахаренные орешки или жёлуди в меду им с сестрой перепадали разве что по воскресеньям или по праздникам. «Ну и пожалуйста, вот вырасту, – думал Волчок, – и ничего делать не буду, только валяться на какой-нибудь коряге и есть орешки в сахаре да сахарные орешки целыми пригоршнями...»

Не заладилось у дяди Барздукаса

Сказав маме спасибо, дети засобирались в лес. Ну, льёт не переставая – что ж теперь, дома сидеть из-за этого? Их мягкая серая шёрстка сырости не боится, да и мама никогда не волнуется, если они под проливным дождём гуляют! «Мы же не айтвары какие-нибудь, которые, едва заморосит, начинают ныть и скулить, а потом прячутся под самую высокую ёлку и там дымят, чадят и копят», – думал Волчок. Правда, Юле дождь не очень нравится – её густая шёрстка хоть и не промокает, а всё-таки запутывается, слипается клочьями, да и розовый бантик, вместо того чтобы весело болтаться за ухом, уныло повисает. А без этого своего бантика она из дому ни ногой – вот и теперь его завязала. Так ведь и Волчок никуда ни шагу без своего ножичка... Но то ножичек, им, когда захочется, можно вырезать что-нибудь из бересты! А ещё им можно отгонять слишком уж обнаглевших ворон, которые иногда, сбившись в стаю, нападают на них – может, конечно, только напугать хотят, но Юла очень этих ворон боится, да и самому Волчку не по себе делается, когда они вот так налетают...

Дети шли широкой тропой, протоптанной среди усадеб, нор и землянок лесных жителей. По обочинам виднелись красивые деревянные лавочки из распиленных пополам брёвен – папина работа, чья же ещё! Так удобно сидеть на лавочке, свесив

усталые ноги, и болтать с каким-нибудь добрым попутчиком или приятелем. Сейчас на одной из них каучата увидели дядю Барздукаса: тот задумчиво глядел в небо, явно прикидывая, скоро ли перестанет лить.

– Доброе утро, дядя, – сказали дети хором.

– Тут и не поймёшь, утро ли, вечер, – сердито откликнулся Барздукас, – темень – не приведи Пяркунас... Хотел трубочку выкурить, так огниво отсырело и табак дождём заливает. А дома хозяйка моя не позволяет дымить. Вот – сижу и жду, пока дождь уймётся.

– И давно ждёшь, дядя? – вежливо поинтересовался Волчок.

– Да уж недели три, а может, и больше, – признался тот. – Иногда, я бы сказал, даже зябко делается, особенно под утро.

– А нельзя под крышей подождать? – удивилась Юла. – Слышно ведь, идёт дождь или перестал. Ещё можно ногу держать снаружи или бороду в окно высунуть: как почувствуешь, что нога уже не мокнет, значит, дождя нет. Или почувствуешь, что борода сухая.

– Ещё чего – стану я бороду мочить! – рассердился Барздукас. – Разве не знаете, что борода – гордость нашего рода?

Такой бородой и впрямь загордишься: белая, пышная, длинная – чуть не до земли. Если бы не дождь, она бы гордо развевалась на ветру, кудрявая и пушистая, но теперь, жалкая и слипшаяся, мокрой тряпочкой свисала у дяди между колен.

– Да ведь она всё равно уже намокла, – вежливо напомнила Юла, – а если совсем честно – так промокла насквозь.

– Больно уж ты умна, – разозлился Барздукас, должно быть, обидно ему стало, что не сам до этого додумался.

Неожиданная встреча

Каучата зашагали дальше, не зная толком, ни в какую сторону идти, ни кого искать. Но дети крепко верили в то, что если уж ты куда собрался – значит, не напрасно. Даже если кажется, будто вышел из дому без дела – дело найдётся само.

Вот и сейчас, едва добравшись до поляны, они повстречались незнамо с кем. Вы-то знаете, как выглядит Незнамо Кто?

Да, немного похож на Его Словами Не Опишешь, потому что он и не такой, и не этакий, но бывает и таким, и этаким. Незнамо с Кем никогда нельзя знать наверняка.

– Может, это просто камень? – вслух подумала Юла.

– Или большой усталый гриб, – ответил Волчок. – Шёл он, шёл, устал, решил поспать часок-другой и натянул на голову плащ, чтобы никто ему не мешал. Ведь под шум дождя так хорошо спится.

– Да ты что! Когда это грибы по лесу разгуливали? – удивилась сестра. – Грибы обычно на месте стоят.

– А где ты видела прозрачные камни? – не сдавался брат, которому в струях воды явственно привиделся совершенно прозрачный гриб.

– А прозрачные грибы ты где видел? – злобно выкрикнул тонким голоском Незнамо Кто. – Клянусь Пяркунасом, такой чуши мне уже лет девятьсот слышать не доводилось! Ну и глупые же создания эти каукрошки...

– Простите, мы совсем не хотели Незнамо Кого обидеть, – стала оправдываться Юла. – Но интересно же, кто может торчать под проливным дождём на полянке, если он не гриб и не камень...

– И при этом прозрачный и под капюшоном, – твердил своё Волчок. – Всё-таки кого-то он мне напоминает.


– Всякий Незнамо Кто незнамо кого и напоминает, – объяснила ему сестра.

Тут Незнамо Кто так и зашипел от злости:

– Всякий?! Это я-то всякий?! Это я-то всего-навсего незнамо на кого похож?! Да если хотите знать, я сам и есть Незнамо Кто. Если хотите знать, я тот самый Человек-невидимка, которого вы столько раз видели у себя под кроватью!

Ах, вот он кто! Невидимку, который живёт под кроватью, дети вспомнили сразу. Когда они были совсем ещё маленькими, каждый вечер, дрожа от страха, лазили под обе кровати проверять, нет ли там Невидимки, не притаился ли он, свернувшись клубочком. И всегда находили, хотя он был совсем невидимый, до того невидимый, что прямо никак не разглядеть! Потому-то, перед тем как заснуть, дети и упрашивали маму не гасить керосиновую лампу, а только фитилёк прикрутить – так засыпать уютнее. А мама объясняла им, что никаких Невидимок не бывает, но маленький свет на всякий случай оставляла. И дети так и засыпали в сомнениях. Ведь одно дело, если, как мама говорит, Невидимки под кроватью нет, – тогда можно спать спокойно. И совсем другое, если, заглянув под кровать, убеждаешься, что никого не видно: это может означать, что Невидимка как раз там и лежит, просто затаился.





– А мы в тебя уже не верим, – заявила Юла, внезапно сообразив, что они с братом вот уже полгода как перестали лазить под кровать и проверять, не притаился ли там кто-нибудь.

– Мы про тебя и думать забыли, – подхватил Волчок. – Но ведь теперь и тебя самого словно бы видно, и сквозь тебя видно?

– В том-то и дело, что вы про меня забыли, перестали проверять, лежу я под кроватью или не лежу, вот мне и пришлось уйти. Блуждаю теперь по лесу совершенно невидимый, печальный и одинокий. Никто меня не замечает, никто со мной не разговаривает. А под дождём мне, хоть я и невидимый, всё равно мокро, вот и набрасываю на себя какую-нибудь тряпку. Но, правду сказать, толку от неё никакого.

– Так от того, что дождь хлещет тебя по бокам и стекает по тебе, ты и делаешься немножечко видимым! – догадалась Юла. – А почему бы тебе не забраться под какую-нибудь другую кровать? Или мы снова тебя к себе возьмём, я могу тебя приютить.

Лежи себе под моей кроватью в тепле и уюте, вместо того чтобы под дождём мокнуть.



– Нет уж, раз вы теперь в меня не верите, я должен уйти и скитаться по лесам, долам и пустошам, – с горечью промолвил Невидимка. – Буду самой обыкновенной нечистью, какой и без того полным-полно в глухих лесах и бескрайних болотах. А ведь я Человек-невидимка!.. Для того ли я был сотворён, такова разве моя природа...



Жалея себя, бездомный человечек и сам расстроился, и детей чуть до слёз не довёл. Ну, во всяком случае, Юлу. Но, уже всхлипывая, она не переставала напряжённо размышлять.

– Значит, если найти тебе подходящую кровать, ты сможешь снова стать Человеком-невидимкой?

Человечек тяжело вздохнул.

– Нет, этого мало. Надо ещё, чтобы тот, кто спит на кровати, оказался любопытным, чтобы он всё время лазил проверять, есть я или меня нет. Вот малыши – они все страшно любопытные, а вы, детки, уже подросли, – грустно сказал Невидимка. – И ничего тут не поделаешь, большим детям неинтересно, кто прячется под кроватью. А с подростками – так и просто беда: они по невидимкам из рогаток стреляют. Думают, будто лупят по солнечным зайчикам.

– Но ведь ты воздушный, – сказал Волчок. – Тебе ведь не больно, если даже и попадут?

– Больно не больно, а всё равно неприятно, – ответил Невидимка. – Самолюбие-то они задевают.

На брата и сестру навалился нелёгкий груз ответственности. Свой долг нельзя вот так запросто отбросить – надо заботиться о тех, кого приручил... Ладно, по дороге они что-нибудь придумают, – а пока дети предложили невидимому человечку пойти с ними.

– А куда вы идёте? – полюбопытствовал тот.

– Сами не знаем. Может быть, пойдём искать Белого Коня из сна.

– Ничего себе занятие, – кисло пробормотал Невидимка сквозь дождь.

– Только по дороге мы всё равно куда-нибудь завернём: мне свой розовый бантик высушить надо! – напомнила брату Юла.

Невидимка опять тяжело вздохнул:

– Ну и времена. Ну и нравы. Какой-то бантик для неё важнее, чем тот, кто некогда нагонял такой страх, что она заснует

не могла, пока с головой под одеяло не заберётся. А теперь вот – бантик, да ещё розовый, самого что ни на есть дурацкого цвета... Просто никакого уважения.

Юла ничего на это не ответила, и вся троица двинулась дальше. Дождь неустанно поливал Невидимку, отчего тот слегка поблёскивал, и почти можно было разглядеть его очертания, но очертания эти то и дело менялись. Из длинноносого гнома он превращался в толстого дрожащего кролика, или в длинную кочергу, или и впрямь в Незнамо Кого. Дети, не удержавшись, спросили, почему он поминутно изменяется, а человечек сказал как отрезал: кто чего боится, то с тем и случится. Боишься крыс – увидишь крысу, опасаясь мешка с костями – увидишь мешок, страшно, что оживёт деревянная игрушка – понятно, чего ждать, ну а если дрожишь при мысли о том, что под кроватью незнамо кто прячется, Невидимка превращается в Незнамо Кого, так и оставаясь невидимым.

Так они шли втроём и разговаривали, а дождь всё лил, лил и лил, и падавшая с тёмного неба вода превратила в конце концов тропу среди дубов в шумный ручей. Любой бы расстроился, но лесные жители и дождю, и солнышку радуются, в Лесу всякая погода – благодать.



Праздник в зарослях сирени

Ну и хорошо, что радуются!

Чем дальше они шли, тем сильнее менялся Лес – вот уже и дубрава осталась за спиной, вот и деревья расступились. Теперь их окружали осинки, рябинки и разные кусты, среди прочих – сиреневые. И вдруг из-за кустов донёсся шум, радостный гомон, кому-то там явно было весело... даже, пожалуй, слишком весело. «Кауки себе так шуметь не позволяют», – подумали каучата. А Невидимка непременно наморщил бы нос, будь у него нос, но, поскольку носа не было, лишь проворчал:

– Что тут происходит? Кто нарушает покой Леса?

Каучата, от природы любопытные, хоть и осторожные, ответили, что выяснить это нетрудно. Шум доносился оттуда же, откуда плыл довольно сильный запах сирени, смешанный с приятным кисло-сладким квасным духом. И они догадывались, кто там шумит за кустами, ведь им, как и всем лесным жителям, знакомы были бездуки из сиреневых зарослей.

Они между собой в родстве, у них общий дед, тот самый Пушкайтис, но не очень любят друг друга навещать. Вот с барздуками кауки в наилучших отношениях, а бездуков и те, и эти слегка презируют. Может, за имя – приличного гнома бездуком не назовут, а может, потому что каждый род в Лесу считает себя славнейшим из славнейших, даже окраинные маркополи, те, что на опушке

Леса живут и кормятся одними грибами да сеном. И каждый лесной житель всегда найдёт повод для насмешек над другими, ближними и дальними, только Пушкайтис ко всем относится одинаково.

Это и впрямь оказались бездуки, неизвестно зачем выбравшиеся наружу из своих подземных жилищ. Вылезли под самый дождь и орали теперь дикими голосами, хлопали в ладошки, колотили деревяшками по пням, дудели в берестяные рожки, в общем, шумели совершенно невообразимо.

– Кажется, у них праздник, – хором сказали каучата, – и нам, наверное, стоит туда пойти. Мы бы погрелись и обсохли.

Волчок радовался, зная, что там будут целые горы засахаренных каштанов и полные миски лесных яблок, Юла надеялась высушить свой розовый бантик, и только невидимый человечек ничего хорошего от такого непонятного общества не ждал.

– Сам люблю иногда под кроватью пошуметь, а когда другие шум поднимают – терпеть не могу. Может, ну их, этих бездуков?

Но троица уже вышла на лесную просеку, где, распевая во всё горло, резвились бездуки, и те, хоть и разошлись вовсю, всё же путников заметили, а узнав в них отпрысков Пушкайтисова рода, приветливо замахали, зазывая к себе.

– Идите сюда, каучата, у нас в сиреневой роще сегодня праздник, у бездучонка, малыша Краснолиста, день рождения. Подумать только, всего-то девяностый годок ему, а он уже бегаёт! Заходите, детки, у нас вы повеселитесь вволю, у нас можно скакать и кричать сколько угодно. Дома-то родители вам не позволяют беситься, а у нас, бездуков, как праздник – так свобода и буйство!

– Скажите, пожалуйста, а как насчёт угощения? – вежливо осведомился Волчок. – И нас вообще-то никто не приглашал.

– Ну, не пригласили, чтобы лишнего не тратить. Мы, бездуки, славимся своей бережливостью. И гордимся.

– К тому же, – вмешалась в разговор подоспевшая тем временем хозяйка, – первым делом следует о душе позаботиться, так что для начала надо как следует пошалить.

Что ж, раз так упрашивают, будем веселиться, решили каучата. Дома им и правда шуметь не разрешалось, а здесь вежливость требовала уважать местные обычаи – вот повезло-то!

В ту же минуту каучата, словно два пушечных ядра, влетели в толпу, закружились, завопили, перекрикивая друг дружку, стали кидаться листьями и бросаться корой, соревноваться, кто дальше метнёт длинную кочергу, словом, развлекаться по-всякому, не забывая при этом радостно визжать и пищать.

Однако вскоре старейшие бездуки велели все бесчинства прекратить. Душу потешили – теперь можно и перекусить, а за едой мило побеседовать.

– Интересно, чем угощать станут? – перешёпывались каучата.

– Ты что больше всего любишь? – спросил Волчок у Невидимки.

– Я запахи люблю, – ответил тот. – Одними запахами и питаюсь.

А больше всего мне нравится запах варящихся клёцок и ещё борща с белыми грибами. Нюхай не нанюхаешься! Просто не оторваться, пока не объешься и не упьешься... А кашу я не очень люблю, хоть и знаю, что она полезная.

Хозяева пригласили всех под огромный куст, где на покрытом белой льняной скатертью столе были расставлены в изобилии

вкуснейшие лакомства: угощайтесь, гости дорогие, орешками в меду и рябиновым вареньем, пейте, сколько влезет, квасу и перебродившего берёзового сока. Гости нажились на угощение. Даже невидимый человечек незаметно для остальных метался от одного блюда к другому, пока наконец не припал к кувшину с душистым берёзовым соком, и только тогда немного успокоился.

Как и положено на семейных праздниках в Лесу, за столом произносили речи. Бездуки постарше повествовали о происхождении бездучьего рода, о своих обычаях, рассказывали сказки и легенды. Младшие внимательно слушали и сидели так тихо, будто и не они тут только что бесились. Каучата грызли орешки и тоже слушали – больше из вежливости, потому что многое уже знали от родителей и деда Пушкайтиса, но, с другой стороны, интересно же, что думают о себе сами бездуки.

Старейшина рода поведал, что бездуки, в отличие от прочих лесовиков, порождённых Пушкайтисовым попыхиванием, вышли из сиреневого куста. Вылезли из-под корней, да так и остались век вековать среди сирени – потому их и прозвали бездуками. Почему же бездуками, а не сиренниками? Да ведь и сирень раньше не так называлась! Пушкайтис и другие старики говорят, что в древнелесном языке название у неё было настоящее, кое-где её и сейчас похоже зовут – бузок, а теперешнее слово – жалкая выдумка новых времён. Так что слово «бездукас» на самом деле означает «благоухающий сиренью». Бездуки и правда любят сирень, им нравится жить среди сиреневых кустов, весной они украшают головы сиреневыми цветочками. И духи из сирени делают, которыми, между прочим, все в лесу охотно душатся. Даже тёмные

и невежественные захолустные маркополи, грибоеды и сеноеды, и те охотно дарят жёнам сиреневые духи, выменивая их на грибы.

Ближайший к самому Пушкайтису и самый почтенный лесной род – именно бездуки. Конечно, больше всего им нравятся лесные поляны и сиреневые рощи, но они могут селиться и рядом с человеческим жильём, если в усадьбе растёт сирень. Селятся и начинают менять всё на всё, торговля у них такая, как и у кауков. А ещё они прекрасные садовники и огородники, так что люди нарочно сажают рядом с садами и огородами кусты сирени, чтобы бездуков приманивать. А чтобы те не ушли, угощают их кашей и яйцами, сваренными вкрутую, – нет для бездука ничего вкуснее крутого яйца. Только непременно с солью.

Живут бездуки в Великом Лесу с незапамятных времен, уважая и свои, и чужие обычаи, почитая и деда Пушкайтиса, и громовержца Пяркунаса, и Лес, и лесных жителей.

Слушали-слушали бездуки похвалы своему роду и так собой загордились, что взяли да и затянули хором торжественную бездучью песнь, сложенную, если верить преданию, Первым Бездукасом, когда тот вылез из-под сирени:

Глум глум глум,
блум блум блум,
глумси блумси,
гламбси блямбси,
глумси глумсас,
блумси блюмсас –
блум блум блум,
глум глум глум.





– Вот уж всем песням песня! Который век её поем и когда нам весело, и когда грустно... – объяснили, допев свой гимн, бездуки.

– С меня хватит! – шепнул каучатам Невидимка. – Подумать только – хвастаются, какие они культурные, а у самих в этих норах даже кроватей нету. Спят вповалку на куче листьев. Ну и где бы я там прятался? И голоса у них до ужаса пронзительные.

– У всех свои обычаи, – уклончиво ответила Юла. И каучата, сердечно распрощавшись с дальними родственниками, засобирались в путь.

Все были довольны, кроме невидимого человечка, – а чему он должен был радоваться? Волчку насыпали полные пригоршни медовых орешков, Юла получила каштановые бусы, и только ему ничего не подарили! Ух, как Невидимка разозлился!

– Известное дело, – прошипел он, – родичи, они всегда друг к дружке с дорогой душой, а придёт человек другого вида – так ему ни щепочки...

– Какого вида, где тут вид? – засмеялась Юла. – Ты же – всё равно что воздух! Да и зачем тебе эта щепочка?

– Это уж моё дело, – отрезал Невидимка и надолго умолк.

Детям даже непонятно было, идёт он с ними по-прежнему или отправился искать себе местечко под чьей-нибудь кроватью.

Так они шли и шли под проливным дождём, пока не оказались на поляне. И пока не увидели пасущегося там Белого Коня.

Может быть или не может?

– Не может быть! – в один голос сказали каучата.

– Может, – возразил конь, на мгновение перестав щипать траву и поглядев на них.

– Как ты думаешь, а не привиделся ли он нам? – спросил у сестры Волчок.

– Похоже на то, – ответила Юла. – Никаких коней в Лесу нет, им между деревьями не протиснуться. И потом, лошади не умеют разговаривать. Значит, он нам привиделся. Пойдём-ка лучше своей дорогой.

Они хотели снова углубиться в чащу, но Волчка удерживало близ поляны какое-то странное ощущение. Поддавшись ему, мальчик спрятался в зарослях папоротника и стал разглядывать коня, который и не думал исчезать, как непременно сделало бы видение.

– А с чего я взяла, что лошади не разговаривают? – подумала вслух Юла.

– Вроде бы нас в школе так учили, – припомнил Волчок.

– Но я же Белый Конь! – снова поглядев в их сторону, объяснил конь, и вернулся к прерванному обеду.

«А ведь верно – он и вправду весь белый», – подумали каучата, всё ещё сидя в папоротниках.

– И не просто Белый Конь, а белый боевой конь, – продолжал конь. – И не обычный, а волшебный. Стал бы я ломиться сквозь чащу! Я сюда прилетел. Сейчас перекушу и дальше полечу.



У Волчка прямо дух захватило и сердце сжалось.

– Как бы мне хотелось такого коня... волшебного! – воскликнул он.

Глядя на взволнованного братишку, разволновалась и Юла, ей вдруг захотелось, чтобы конь пошёл с ними.

– Скажи, а как тебя поймать... ой, то есть с тобой подружиться? – поправилась она. – Мы ведь тебя уже так давно во сне видим. Чуть не каждую ночь. Это, наверное, должно означать, что...

– Это означает, что я и в самом деле Белый Конь, – с достоинством ответил Белый Конь, – и что я иду через сны, через сражения и через кустарники, и никто не может мне помешать где-то появиться или откуда-то исчезнуть. И если я кому-то явился – значит, пообещал ему, что мы встретимся. Вот мы и встретились. А как со мной подружиться – придумывайте сами.

– Хочешь, пойдём с нами, к нам домой, – предложила Юла. – У нас в тенёчке прохладно и трава сочная.

– Белым Коням тенёчек не нужен, Белые Кони живут на солнечных лугах, – ответил тот. – Ну, в крайнем случае, в дождливую погоду – на конюшне в усадьбе. А велика ли у вас усадьба?

– Нет, – пригорюнившись, ответил Волчок.



– Белые Кони не какие-нибудь там неженки, – продолжал конь, – Белые Кони способны выдержать долгий поход и суровые тяготы войны. Вы сейчас с кем-нибудь воюете? В битву собираетесь? Тогда другой разговор.

– Не-е-ет... – протянул Волчок, лихорадочно соображая, что же теперь делать.

– Хочешь стать моим другом? – внезапно предложил Белый Конь. – Отправляйся на опушку Леса, к Маркополевым Пустошам. Там ты кое-что увидишь и тогда поймёшь, кто ты есть и чего ты хочешь. А потом я либо прилечу, либо нет – это будет зависеть только от тебя и ни от кого и ни от чего больше.

Едва договорив, конь взлетел и вскоре скрылся за верхушками деревьев. И только теперь дети поняли, что всё это время над поляной, где они разговаривали с Белым Конём, светило солнце, хотя вокруг, по всему Лесу, лил дождь. Как только конь улетел, небо снова затянули тучи, и дождь хлынул с новой силой.

Каучата молча нырнули в сырую чащу Леса, свернули на восток и двинулись в сторону опушки. Шли долго. Иногда, собрав с куста пригоршню ягод, машинально отправляли её в рот, хотя голода и не чувствовали. Они были поглощены мыслями о Белом Коне и его словах. Юла всё вспоминала, какой этот конь крепкий и гибкий, а Волчок пытался понять, чем он-то сам связан с этим конём.

«Почему нас судьба свела, – размышлял мальчик, – может, у нас родственные души?..» И радовался, что Белый Конь подарил ему надежду.

Сорочья почта



Деревья окружали владения бездуков сплошной стеной, но стоило выйти за их границы – Лес понемногу начинал редеть. Тропинок стало много, они разветвлялись, вливались одна в другую и делались всё шире – эти дорожки проторили и протоптали звери и жители Леса. На перекрестье двух таких дорожек брат с сестрой увидели глинобитную, крытую мхом лачужку: отделение Сорочьей почты. Лачужка, разукрашенная стёклышками, бантиками и красивыми блестящими камешками, ярко сверкала, а сороки-почтальонки так громко и взволнованно трещали, так сильно хлопали крыльями, когда взлетали и садились, что мимо Сорочьей почты никак нельзя было пройти, не заметив, – её было издали видно и слышно. Здесь все жители Леса узнавали самые свежие новости. Болтливым птицам нравилось работать почтальонками, они охотно носили весточки с одного края Леса на другой и дорого за свои услуги не запрашивали – им ведь и самим любопытно было первыми узнавать все новости и слухи. В Лесу каждому было известно: если хочешь что-нибудь сохранить в тайне – сорокам не доверяйся, любая новость, едва очутившись на почте, тут же разлетается, её жадно слушают и жарко обсуждают.

Сейчас на почте говорили о том, что дед Пушкайтис задумал писать мемуары и заказал барздукам сто фунтов бересты, чтобы на ней уместилась вся история Леса. Барздуки усердно

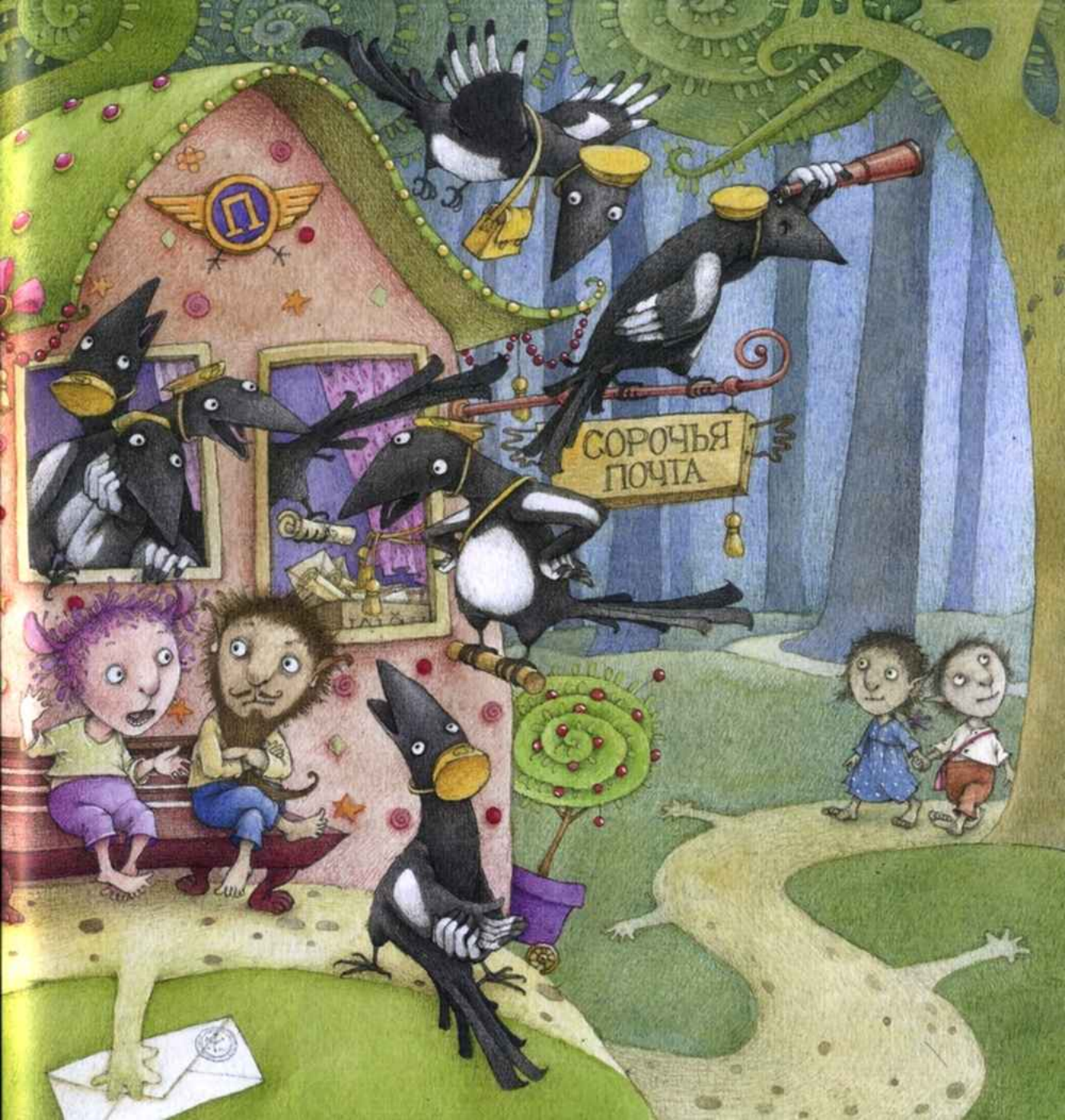
взялись за дело, набрали бересты и доставили деду, но, когда они вывалили у входа в жилище Пушкайтиса несколько возов подготовленной для записей бересты, тот страшно удивился и сказал, что не помнит, чтобы о чём-нибудь таком просил.

– Барздуки злятся, потому что теперь некому всучить эту бересту, а Пушкайтис ругается из-за того, что всё вокруг его жилья берестой завалено! – галдели сороки. – И что ему вздумалось писать мемуары? Рассказал бы нам – мы бы мигом эти истории по всему Лесу разнесли, и бересты никакой не надо!

Тут же сидели несколько озабоченных бездуков. Дед Пушкайтис всё через ту же Сорочью почту обратился к ним с просьбой принести ему несколько трубок и три мешка табаку, решил начать курить – в таком возрасте уже всё можно, – и теперь бездуки волновались: а вдруг дед забудет, чего просил? И что им потом делать с такой кучей товара? Ведь лесные жители либо совсем не курят, либо выращивают табак на собственных грядках – ни тем, ни другим его не продать. Бездуки были почти уверены, что у них всё закончится так же, как у барздуков с берестой.

Стало быть, около почты сидели барздуки, которые плакались бездукам, без-





дуки, которые жаловались барздукам, а вокруг летали сороки, всех утешали и обещали, что всё уладится и устроится наилучшим образом, но как они всё уладят и устроят – не объясняли.

– Мы, сороки, много чего понимаем, вот только никто к нашим советам вовремя не прислушивается, – тараторила старшая почтальонка. – Не слушают, а потом начинают стонать и охать, да только слишком поздно. Зачем пришли, детишки? – заметила она наконец каучат, которые давно уже с интересом наблюдали за суетой у почты, но тут же, не дав им и рта раскрыть, застрекотала, что Сорочья почта на весь Лес славится своей быстротой.

– Мы потому и пришли, – вежливо прервала белобоку Юла. – Очень хорошо, что есть такое место, где лесные жители могут быстро обо всём узнать.

– И откуда могут передать весточку, – добавил Волчок.

– Значит, вы хотите сообщить о себе родителям, каукам, – догадалась начальница, – потому что забрели от Угла Кауков довольно далеко.

– Какой ещё угол! – оскорбился Волчок. – Никакой не угол, а Гнездо Кауков. И между прочим – в самой середине Леса! Это остальные вокруг нас живут!

– Да успокойся, малыш, всем в Лесу кажется, будто другие вокруг, а сами они – в середине, – усмехнулась сорока. – А Угол Кауков – ваш почтовый адрес, он на карте обозначен. Так что родителям-то передать?

Юла быстро продиктовала весточку: пусть мама с папой не волнуются и скоро их домой не ждут – они с братом кое-что задумали, надо доделать кое-какие дела, они прекрасно проводят время,

они отлично пообедали у бездуков, и те просили родителям кланяться, а ещё дядя Барздукас привет передал.

– С вас три засахаренных орешка, – сказала почтальонка. – Сами заплатите или с адресата получить?

От бездучьего угощения у Волчка как раз уцелело три орешка, он отдал их начальнице почты, и та сразу повторила то, что услышала от каучат, одной из сорок. А потом нетерпеливо спросила:

– Всё уже, наконец?

– Ну... – нерешительно начал Волчок, – ещё мне хотелось бы узнать, что слышно с Маркополевых Пустошей.

Почтовая сорока притихла, искоса глянула на детей и почесала лапой клюв.

– Ммм... ничего, – в конце концов проговорила она, – но я бы, пожалуй, не советовала вам туда ходить...

– Почему же? – удивились дети.

– Пограничная полоса есть пограничная полоса... – загадочно ответила начальница почты. – Пустошь есть пустошь.

Брат с сестрой переглянулись. Странно, что болтливая сорока не хочет поделиться слухами, она же явно что-то знает.

Но им пора было идти, и они двинулись дальше, то и дело оглядываясь: не покажется ли где Невидимка. Но ничего похожего под струями дождя не вырисовывалось.



На Пустошах тревожно

Лес становился всё реже. Сначала пропали дубы, потом сменившие их берёзы, за ними сосны и осины, и остались в конце концов только можжевельниковые кусты и высоченные колючие стебли чертополоха. Продираться через эти заросли было куда труднее, чем идти лесной чащей, и Юла боялась, что после такой дороги ей шёрстку уже никогда не расчесать. Волчок, правда, точно не знал, чего ему остерегаться, но у него щемило сердце от самой этой неуверенности. Он крепко сжимал ножик: пусть это не настоящее оружие, а всё же с ним не так страшно.

Маркополевы Пустоши оказались ужасно пустынными. Каучата знали, что здесь заканчиваются земли лесных родов, здесь не говорят на лесном языке, здесь не действуют правила и обычаи Леса, но всё равно маркополи – лесной род. И, может быть, они заслуживают самого большого уважения, раз поселились на опасной окраине, где вряд ли смогли бы продержаться кауки, бездуки и барздуки.

Тем не менее пустота вокруг угнетала, дождь продолжал лить, лапы увязали в мокром песке, сухие стебли трав – и те уже насквозь пропитались водой. С трудом выбираясь из непролазного кустарника, дети думали, что жить здесь совсем не просто, и уж не тем, кто обитает в безопасном лесу, осуждать привычки и обычаи приграничных жителей.

Тишина пустошей – не лесная, наполненная живыми звуками тишина, в такой тишине может затаиться кто угодно.

Вдруг каучата почувствовали, что на них кто-то смотрит. «Кажется, за нами следят», – еле слышно шепнула брату Юла, а Волчок молча кивнул и ещё крепче зажал в лапке ножик.

И тут из травы высунулась странная тварь, не похожая ни на одного лесного жителя. Просто нога, а на ноге – огромный глаз, и даже не целая нога, а только нижняя часть с большущей ступнёй. Круглый глаз без особого любопытства посмотрел на детей и ускакал.

– Это ещё кто? – растерялась Юла. – Ты слышал когда-нибудь о таких тварях?

Волчок помотал головой, потом сказал:

– Не знаю, что и думать. Но, по-моему, эта тварь не опасная. Она, конечно, странная, но не злая.

– Поглядела – и ускакала. Наверное, это она за нами следила.

– Может, понеслась кому-нибудь докладывать, что мы тут...

– А может быть, этот Глазоног оставил своих родственников за нами подсматривать? Да ну их – пойдём дальше! – предложила Юла.

Волчок кивнул, но тут же передумал:

– А может, остановимся? Какая разница, здесь ведь уже Марко-полевые Пустоши. Сядем, подождём, пока хозяева объявятся.

Юла спорить не стала.

– Ножкам дадим отдохнуть, – сказала она и опустилась на землю.

Волчок, хотя тоже очень устал, не садился: так и стоял, озираясь кругом. В траве и впрямь кто-то шуршал – наверное, братья того Глазонога. Волчок понял, что они окружены, но решил пока сестрёнку не пугать.

Внезапно из чертополоха вынырнули десятка полтора хмурых гномиков. Одни из них держали в руках коротенькие копыя, другие натягивали тетивы маленьких луков и издали целились в каучат. Гномы глядели сурово, а стрелы и копыя у них были хоть и маленькие, но острые и крепкие. Несколькими такими вполне можно было уложить крупного зайца, и каучатам, понятно, не хотелось на себе испытывать, хорошо ли заострены наконечники. Они улыбнулись как можно приятнее, а Волчок бросил на землю ножик и поднял пустые лапки, показывая, что пришёл не с враждебными намерениями.



– Куда незнакоmuщие шелупаи напирaeмся? – осведомил-ся один из гномов, одетый в красное и, по всему судя, главный. – Маркополина жемляна нежелается чужиных диковых страшнотов!

Каучата слегка растерялись, они не очень-то хорошо понимали наречие, на котором говорили жители опушки Леса. Но надо же было что-нибудь ответить – ясно, что напуганные гномики не хотят пускать на свои земли чужих.

– Мы хорошие, мы идём помогать тем, кому нужна помощь, – ответил Волчок, хотя и не был уверен, что маркополи его поймут.

– Мы двоси хорошиси, – попыталась перевести Юла. – Иденума спасути ото лихондута напандута. Мы каукасты, лесны родосты, братуна сод сестерна, – объяснила она.

– Насута не надо ото лихондута напандута спасути избувусты, – рассердился гном, – мыта самта тута велитейши богатурны! – При этих его словах все маркополи грозно потрясли оружием.

– Да что за беда с вами приключилась? – спросил Волчок. – Весь Лес знает, какие мы, кауки, хитроумные и как помогаем друзьям.

А ещё мы самые смелые: чуть что – как затопаем ногами, все враги в страхе разбегаются – не догонишь! – выпалил Волчок, сам чувствуя, что краснеет, но ведь надо же было произвести впечатление на маркополей.

Те опустили оружие и в задумчивости уставились на незваных гостей.



– Маркоступты дозурведы васута глянута лесасны пригра-
нисны. Любопасто интаристо, кокусна братуна сод састурна
богатуресны, – недоверчиво глядя на них, начал было объяснять
главный гном, но вдруг умолк, а потом, нахмутив лоб и наморщив
нос, поманил к себе остальных – наверное, чтобы посоветовать-
ся. Маркополи встали в кружок и долго что-то скороговоркой
лопотали, не обращая на детей ни малейшего внимания.
Волчок с сестрой ничегошеньки не могли понять, но, поскольку
в их сторону никто ни разу и не взглянул, решили, что маркополи
их не опасаются. И вздохнули с облегчением.

Гномики, закончив совещаться, устремили взгляды на каучат,
и предводитель на своём наречии объяснил, что они воины, были
в сражении, теперь возвращаются домой,
в столицу. Потом прибавил,
что его зовут Рыкарна Ужастуна,
и протянул руку. Каучата,
по очереди пожав ему руку,
вежливо представились.
По лесным обычаям, руко-
или лапопожатие означало,
что двое заключили союз и разрушить
этот союз не может никто и ничто.
Беда тому, кто попытается нарушить
соглашение, – его могут навсегда
выгнать из Леса! Но пока что в Лесу
такого прискорбного и ужасающего
события не случилось.



Невзгоды маркополей

По пути к столице командующий маркопольской армией Рыкарь Ужастик (так его стали называть каучата) рассказал, что сейчас творится на Маркополевых Пустошах и кого так опасаются гномы.

Маркоступы и маркополи живут здесь с незапамятных времён. Маркоступы питаются сеном, маркополи – по большей части шампиньонами, разве что изредка подстрелят себе суслика или зайца. Все они довольно миролюбивы, но на приграничных землях никогда не бывает по-настоящему спокойно. А однажды, когда журавли ни с того ни с сего стали нападать на маркополей и на земле и с воздуха, пришлось даже вести жестокую войну. Эти журавли не только с маркопольскими воинами сражались, они и на мирных жителей нападали: застигнут врасплох и съедят! И дома разоряли, чтобы утащить детёнышей, маркополят и маркоступят. Маркополи отчаянно сражались, отстреливались из луков, но если все вместе они ещё могли выстоять против чудовищ, то, когда журавли-охотники выслеживали их с поднебесья поодиночке, оказывались беспомощными. Птицы нападали на них, раздирали в клочья острыми когтями и клювами, а потом склёвывали. Маркополи начали голодать, потому что об охоте и собирании грибов пришлось забыть. Кормились одним сеном, день и ночь охраняя свои жилища, только острые глаз да стрелы и спасали. И вот однажды, когда журавли пошли в атаку, а маркополям терять

уже было нечего, начался последний решительный бой. В страшной битве пала половина маркополей, но журавлей они одолели!

И если бы только журавли... Маркополям пришлось сдерживать не одно нашествие. Несколько раз на пустоши нападала саранча, она даже сухую траву дочиста подъедала. Тогда голод начинался у маркоступов, родичей маркополей, – они, кстати, немые, и договориться с ними можно лишь на языке знаков, складывая на песке из прутиков разные фигуры. Маркополи саранчу жгли, но получалось не очень хорошо – огонь вместе с врагом

истреблял и сухие травы. На пустоши забредали блуждающие великаны – им, конечно, не было дела ни до маркополей, ни до маркоступов, но, если они мимоходом наступали на деревню, от той оставалось мокрое место, и плантации грибов они тоже вытапывали.

Да что там саранча, что великаны, они пришли и ушли. Теперь, жаловались маркополи, на них свалилась беда пострашней. Этого врага им не одолеть, будь они даже храбрее всех на свете: слишком малы, слишком слабы и слишком мелкое у них оружие. Десятки гномов уже погибли, сотни изранены.

На пустошах поселился Медный Вепрь, который забрёл сюда из дальних чужих лесов, и с тех пор как поселился – ни днём



ни ночью маркополям и маркоступам покоя не даёт. Выспится посреди пустоши, а потом безобразничать начинает. И все их засады и вылазки ему нипочём, потому что стрелы и копья маркополей от его непробиваемой кожи отскакивают. А кожа у него красным отливает и поблёскивает, как будто из металла сделана, потому его и прозвали Медным Вепрем.

– Ничего с ним поделать не можем! – рассказывал Рыкарь Ужастик. – Даже если мы к нему спящему подкрадёмся и все вместе навалимся – всё равно броню Медного Вепря не пробить. Только разбудим. Проснётся злющий и опять начнёт наших на клыки поднимать, топтать копытами. На охоту не пускает, все наши фермы – и грибные и сенные – разорил, а самое страшное – врывается в кладовые и ломает всё, что на зиму запасено, – и грибы, и орехи, и вяленую зайчатину. А что в брюхо уже не влезает – топчет и раскидывает!

Над маркополями нависла смертельная опасность. Если они не успеют сделать новых запасов на зиму, то умрут голодной смертью, и тогда уже неважно, станет ли чудовище дальше буйствовать или нет, потому что голод прикончит на Маркополевых Пустошах всё, что тут ещё осталось живого.

Каучата слушали и ужасались. В Лесу такого не бывает, за столько веков ни разу ничего похожего не случилось, это на Пустошах всё возможно, но как знать – вдруг страшный Медный Вепрь ворвётся и в самый Лес, их безопасный и мирный Лес? Конечно, собравшись вместе, лесовики нашли бы способ от Вепря избавиться, но ведь они так в последнее время друг от друга отдалились... Пока договорятся, пока разберутся...

Каучата в столице Пустошей

По пути к столице маркополей, которая называлась Солнценадонце, каучата видели разорённые деревни, разрытые грибные плантации, разбросанное и втопанное в песок сено. Редкие прохожие выглядели отощавшими, измученными, невыспавшимися, лица у всех были озабоченные, ни на каучат, ни на Рыкаря с его храбрыми воинами никто ни малейшего внимания не обращал.

Столица опоясана высоким земляным валом. В крепостной стене двое ворот, одни наглухо забаррикадированы, другие, главные, приоткрыты, но возле них наготове стоят часовые: как покажется на горизонте Вепрь, они тут же не только запрут ворота, но и подопрут их изнутри. А Вепрь, похоже, и тут уже не раз побывал. Насыпь во многих местах разрыта и изрядно разрушена – правда, горожане пытаются её восстановить, но надолго ли? Сам город, хоть и видно было, что жизнь в нём когда-то так и кипела, словно вымер: одни сейчас снаружи на укреплениях, другие отдыхают после ночного нападения Вепря. Угрюмо молчат выбеленные известью невысокие домики, глинобитные погреба, трактиры – большей частью с запёртыми ставнями, и только в кузницах и мастерских работа не прекращается. Валит дым, звенят удары молотов, шипит пар. Рабочие в цехах льют наконечники для стрел и копий, гнут из орешника луки. Мастера озабочены, они ругаются, потому что заготовку для хорошего лука надо хотя бы полгода

выдерживать, а тут... На площади Героев Журавлиной Войны молодые и старые маркополи упражняются в стрельбе по мишеням – это лучники привыкают к новым лукам...

– Раньше нас эти луки и стрелы выручали, а теперь непонятно, что и делать, не берут стрелы броню Вепря, – вздохнул, проходя мимо, Рыкарь Ужастик.

Рыкарь отвёл каучат в замок, стоявший на невысоком холме, – к королю маркополей. Замок, сложенный из дикого камня, был самым высоким зданием в городе, но строили его, судя по всему, не самые искусные руки: стены выложены криво, а башня накренилась. Столичные жители всё равно гордились замком, непременно показывали его гостям города и терпеть не могли, когда кто-нибудь замечал в нём недостатки.

– Настоящим маркополям, – твердили они, – неважно, ровно стенку выложили или криво, настоящие маркополи спрашивают: держится стенка или рассыпается? Не рассыпается – значит, хорошая стенка, крепкая.

Король Рыкарь Рыкарей Наиужасужасужаснейший, королева Милована Самая-Пресамая Наираспрекраснейшая и Рыкарь Рубака, руководивший обороной города, ждали гостей в тронном зале.

Благосклонно выслушав приветствия каучат, король вскользь заметил, что сейчас не время для разлюбезнейших разлюбезностей, и повелел Рыкарю Ужасту и Рыкарю Рубаке немедленно придумать, как будут участвовать в обороне города эти исполины, – ведь каучата ростом были вдвое выше их самих, да ещё к тому же Волчок, может быть, неосмотрительно, но смело и открыто назвался Богатырём Страха-и-ужаса-не-ведающим. Однако богатырь

полагал, что сейчас надо заниматься вовсе не обороной. Само собой, и оборона тоже дело необычайно важное, но настало время перейти в наступление и подумать о том, каким образом он, прославленный герой Леса, мог бы послужить Пустошам. Ему бы только достойное оружие от маркополей получить!

Король сказал, что маркополи давно ломают голову над созданием нового грозного вооружения, все мудрецы, все воины, и даже все их жёны денно и ночью с таким жаром это обдумывают, что воск из ушей капает, но пока никому ничего придумать не удалось. Луки со стрелами да копья – вот и всё известное на Пустошах оружие.

– А что, если сделать длинное-предлинное копье, а лук... – начал было Волчок, но договорить ему не дали, сообщив, что, во-первых, на Пустошах не растёт ни одного дерева, которое было бы по росту богатырю, и, во-вторых, ни один мастер в Солнценадонце не сумеет быстро выковать наконечник для такого огромного копья. Конечно, можно было бы обратиться за помощью к лесовикам, но ведь и тем давно не приходилось делать оружия, и пока сыщется оружейник – немало времени пройдёт. А ждать некогда: Медный Вепрь прямо сегодня может оказаться у ворот столицы.

– Кроме того, – заметил Рыкарь Рубака, – если мы и отправим в Лес





гонцов за каким-нибудь высоченным ясенем, чтобы сделать из него длинное копьё, по пути они могут напороться на кабана, и тот безжалостно растерзает их своими чудовищными клыками.

Волчок спросил, нет ли чего-нибудь подходящего в самом городе, какой-нибудь крепкой палки подлиннее, и, поднявшись на башню замка вместе с полководцами, стал высматривать что-нибудь себе по росту, силам и удали, но сколько ни высматривал – ничего не высмотрел.

Хорошо, что с ними на башню взобралась и Юла, – и совсем не для того, чтобы полюбоваться лежащим внизу городом или тянущимися до самого горизонта Пустошами. Она покрутила головой туда-сюда и воскликнула:

– Вижу, вижу копьё!

Над башней развевался чёрно-белый флаг королевства маркополей, закреплённый на длинном крепком деревянном шесте. Вот уж точно великанское копьё!

Все обрадовались, радовался вместе со всеми и Волчок, только сердце у него отчего-то сжалось. Битва надвигалась, теперь от неё не уклониться. Король созвал самых лучших мастеров, и те принялись соображать, как лучше приспособить флагшток под древко копья. Шест был длинный, целых девять футов, и Волчок слегка забеспокоился, хотя знал, что копья как раз такие и бывают. Но как его удержать? И долго ли придётся держать? И как надо бить и колоть?

Волчок отдал городским ремесленникам свой ножик с лезвием из доброй стали, и те поспешили в свои мастерские. Древко тащили вдесятером самые сильные и крепкие маркополи.

Сражение с Медным Вепрем

Волчок верил, что всё закончится хорошо, но ему было немного боязно и тревожно – главным образом оттого, что маркополи теперь только на него и надеялись. Король пригласил его на обед и, запивая копчёную зайчатину берёзовым соком, произнёс речь о светлом будущем маркополей и о юном герое Леса, который вот-вот освободит Маркополевые Пустоши, и все опять заживут весело, не ведая ни забот, ни опасностей. Король посулил ему придворную должность сразу после победы, пообещал познакомить с принцессой (неважно, что Волчок незнатного рода) и наконец объявил, что титула рыкаря рыкарейшего может удостоить Волчка прямо сейчас. А как только закончится последнее сражение, посоветуется со своими верховными советниками и придумает для него какое-нибудь совершенно новое звание, например – Рыкарь Вепребойца Страх-и-ужас-наводящий.

У Волчка от таких речей душа в пятки ушла. А вдруг у него ничего не получится, вдруг он не оправдает надежд маркополей? К счастью, Юла была рядом, она успокоила брата, сказав, что главное сейчас – не волноваться и беречь нервы. Настоящий герой перед битвой должен обдумать, как нападать на врага, как защищаться, как его обойти и как поразить. Каучата вдвоём поднялись на башню и разработали там стратегию и тактику битвы. Проще говоря – придумали, как одолеть Вепря.

И как раз вовремя, потому что, едва они спустились с башни, послышались раскаты далёкого грома, а вместе с ними – раздирающий уши дикий визг. Маркополи зашумели, заверещали и принялись как угорелые носиться из угла в угол. С ума сошли от страха, подумали каучата, но нет – вскоре стало ясно, что они разбегаются по заранее намеченным оборонительным позициям, ещё мгновение – и все воины, вооружившись луками и копьями, уже стояли на местах.

Мастера доставили Волчку копьё – крепкое, тяжёлое (теперь его с трудом дотащили одиннадцать гномов), с чуть, может быть, узковатым, но острым наконечником: с таким оружием можно было смело идти на Вепря.

– Только удастся ли мне с этим чудовищем справиться? – беспокоился Волчок.

Юла присела на корточки рядом с копьём и прошептала коротенькое заклинание, чтобы придать ему силы, потому что всякое оружие должно обладать силой и само по себе, не только силой стали и дерева. У оружия должна быть душа. Юла вдохнула в копьё столько сил, сколько смогла, и оно вдруг заблестело, а девочка успокоилась: острое и надёжное оружие само просилось в битву.

Грохот между тем нарастал – и вот уже показался исполинский Вепрь с огромными клыками, скорее чёрный, чем медный. На бегу он оглушительно визжал, взрывал землю и высекал копытами искры из камней.

Маркополи выстроились на городской стене, натянули луки, вскинули копья. Вепрь с разбегу врезался в ближайшую башню, башня зашаталась, несколько маркопольских воинов свалились

Вепрю прямо под ноги, и он их мгновенно растоптал. Было ясно, что второго удара башня не выдержит.

Зверь попятился и злобно горящими глазами уставился на мокнувший под дождём город.

Волчок чувствовал, что взгляды защитников столицы устремлены на него, но медлил, понимая, что без Белого Коня сражения не выиграет.

Вепрь снова с разбега врезался в деревянную башню медным боком. Туча копий и стрел полетела в него сверху, да что толку, если мгновение спустя башня превратилась в груды обломков. Вепрь чуть отступил – полюбоваться на свою работу.

Ещё одна атака, и город будет взят! Чудовище восхищалось собой и наслаждалось бессилием маркополей. Можно было немного помедлить, смакуя близость победы.

«Держи сердце открытым! – зазвучал в голове у Волчка голос сестры. – Храни надежду, отбрось страх и растерянность, забудь сомнения, помни одно: ты – герой. Не жди коня, смело иди вперёд, и конь появится сам».

И Волчок прокричал с высоты оборонительной вышки:

– Эй ты, кабан, урод, земляное рыло, безмозглая тварь!

Ты только на маленьких нападаешь или и со мной сразиться отважишься? Ну-ка иди сюда, если не боишься!

Вепрь удивлённо глянул на него, но не испугался, а явно обрадовался вызову. Что там ещё за храбрец? Сейчас он с ним разделается – и больше никто не посмеет сопротивляться, гномы с писком разбегутся кто куда, и Маркополевы Пустоши станут Пустошами Медного Вепря.



Волчок уже не мог
утерпеть, он рвался
в битву. Всё равно
он не собирался

брать
врага

измором,

он решил, со-

брав все силы, нанести
один-единственный удар –
и прыгнул вниз.

Но, не долетев до земли,
он почувствовал, как его что-то

подхватило и даже слегка подбросило в воздух.

Да ведь под ним Белый Конь! Едва он опустился
ему на спину, конь, уже нетерпеливо перебиравший
копытами, тряхнул головой, коротко заржал и помчался
к Вепрю.

Зверь опешил – до тех пор ему не приходилось сталки-
ваться на Пустошах с серьёзной опасностью. Никакого Коня
он не ждал, с всадником – тем более, и теперь не знал, как быть.

Зато Волчок уже понимал, как разделаться с Вепрем, и был уве-
рен в победе – пусть даже она достанется ему ценой собственной
жизни. Он впервые скакал верхом, но сейчас, охваченный яростью
битвы, напрочь об этом позабыл. Блестело его копьё, сверкала
звезда во лбу Белого Коня, все трое – конь, всадник и копьё –
слились в единое существо и без слов понимали друг друга.



Белый Конь мчался к Вепрю, а тот, вздыбив щетинистый гребень, готовился отразить удар. В медно-чёрной темноте сверкал взгляд зверя. Копьё само потянулось к голове чудовища, будто знало, куда бить. Волчок подобрался, накрепко все мышцы, прицелился поточнее – и отпустил копье. Вот теперь его охватил страх – но уже в следующее мгновение Вепрь завизжал, дёрнулся и упал замертво. Копьё торчало у него из глаза.

Волчок, как и задумал, всю силу и меткость вложил в единственный удар и победил! Соскочив на землю, он обхватил коня за шею.

– Ты вёл себя правильно, и потому я пришёл, – сказал Белый Конь. – Ты правильно сражался, и потому выиграл битву.

Мальчик подошёл к поверженному врагу, прижался лбом к древку копья и почувствовал, что оно всё ещё дрожит, только уже не от ярости битвы, а радуясь победе. Но волнение победителей быстро улеглось, и все трое, повернувшись к жителям спасённой ими столицы, спокойно встретили шквал радостных криков.

Юла подбежала к брату, и тот крепко её обнял, собираясь поблагодарить: ведь без её помощи ему ни за что бы не одолеть врага. Но не успел и рта раскрыть, как на него нахлынула толпа ликующих поздравителей.

Детям пора домой

– Смотрите, смотрите! – крикнул кто-то. Волчок оглянулся, а конь, вскинув голову, радостно и приветственно заржал.

Над столицей разливался всё ширящийся свет. Из-за облаков выглянуло солнце! Пусть оно уже клонилось к закату, но всё же наконец появилось! Ведь над Пустошами и Лесом столько месяцев лил дождь...

– Ясно, – сказала Юла. – Теперь мне всё ясно. Это Вепрь завалил его облаками и не выпускал.

– Дядя Барздукас сможет наконец раскурить свою трубку! – весело закричал Волчок.

А король маркополей промолвил:

– Ты освободил солнце. Ты освободил Пустоши. Ты настоящий герой, мы сразу это поняли. А теперь мы все пойдём пировать и праздновать. Сколько дней не было солнца – столько же будем сейчас буяннить, кутить и шуметь!

– Мы все вместе освободили солнце и Пустоши, – не согласился Волчок. – Вы стойко держались, вы не сдавались врагу – это ваша победа. А нам уже домой пора возвращаться. Да и у Белого Коня, наверное, дел полно.

– Герой есть герой, – развёл руками король. – Истинный герой скромен и вечно занят. Ну что ж, отпразднуем без тебя. Мы назовём твоим именем главную площадь столицы. Поставим тебе памятник.

Сложим о тебе песни. А ты навещай нас всегда, как только захочется. И на помощь приходи, и просто поразвлекись. И мы будем вместе славить твой подвиг.

– Наш подвиг, – поправил короля Волчок, но никто его уже не слышал.

Каучата помахали радостной толпе, забрались вдвоём на спину Белому Коню, конь разбежался и скакнул в небеса. Дети едва успели бросить сверху прощальный взгляд на оставшиеся далеко внизу Пустоши, – и вот они уже летят над родным Лесом. Совсем рядом – кажется, рукой можно дотянуться! – рдеет закатное солнце. А под ними, на лесных прогалинах, виднеются домики и гнёзда лесовиков.

В сумерках Белый Конь опустил их на землю у дверей родного дома.

– Добрый вечер, дети! – выглянули им навстречу мама и папа. – Хорошо, что вовремя вернулись, уже темнеет.

– Здравствуй, мамуля, здравствуй, папуля! – Только сейчас брат с сестрой почувствовали, как соскучились по своему уютному, безопасному дому, по родителям, и побежали скорее обниматься с ними.

– Ну как? – спросила мама. – До чего ж вы далеко забрели-то, спасибо, что хоть весточку с сорокой передали.

– Славное у тебя, сынок, оружие, – похвалил отец, разглядывая копье, которое Волчок так и держал в руке с тех пор, как закончился бой.

– Ой, нам столько всего надо рассказать... – перебивая друг друга, заговорили каучата, но вдруг осеклись, внезапно поняв, что зверски проголодались. – А ужин скоро? – только и спросили они.



– Ужин на столе, – улыбнулась мама. – Только сначала руки помойте! А после ужина, надеюсь, не забудете и зубы почистить, щётки и порошок – там, где всегда.

Волчок и Юла побежали в свою комнату – скорее влезть в уютные шлёпанцы. Отыскивая тапки под кроватью, Волчок услышал шипение и увидел светлое мерцающее пятнышко.

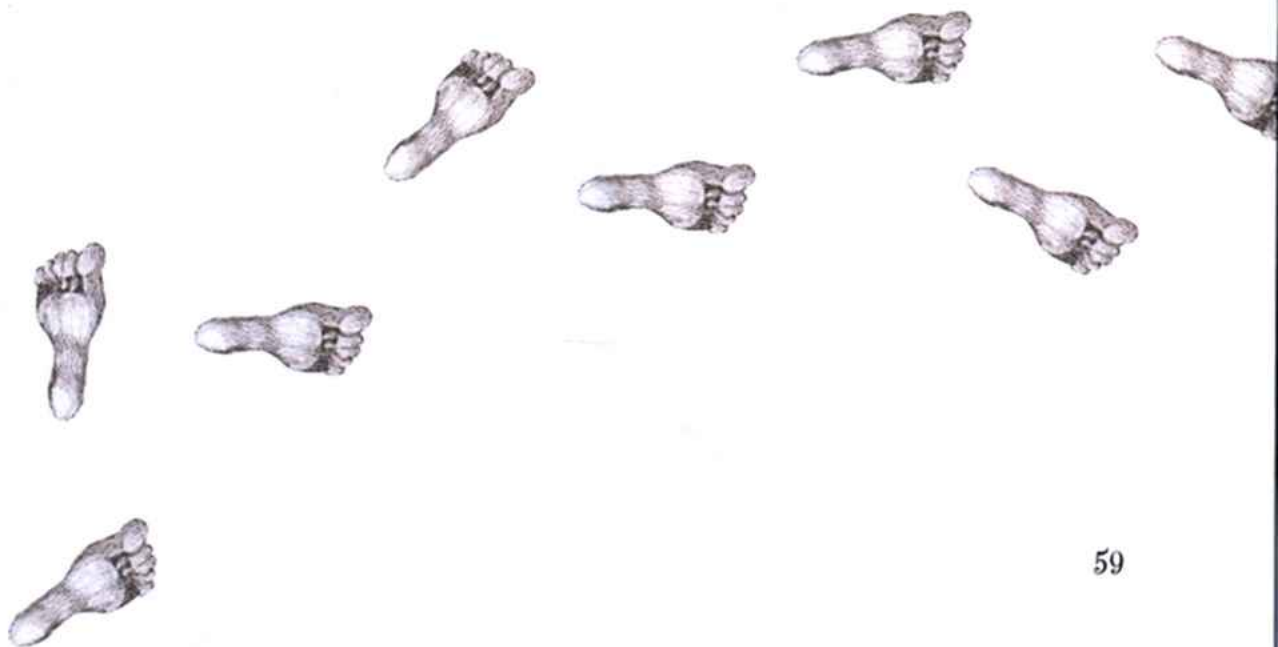
– Это ты, Человек-невидимка? – на всякий случай спросил Волчок и, не дожидаясь ответа, от души воскликнул:

– Вот здорово, что ты опять с нами!

– Где вас столько времени носило? – притворяясь сердитой, прошептала темнота под кроватью.

– Надо будет и ему всё рассказать, – повернулась к брату Юла. – Только чуть позже.

– Подожду, – вздохнул Невидимка.



Об авторе этой книги

Что за историю рассказал нам автор этой книги? Может быть, сказку? Да, сказку. Но мы же знаем, что в каждой сказке есть доля правды. Вот и в этой – тоже!



Кауки, барздуки, бездуки, маркополи, дед Пушкайтис и множество других лесных жителей – не выдуманные книжные персонажи, писатель Гинтарас Береснявичюс привёл их в свою сказку из очень серьёзных научных трудов. Дело в том, что Гинтарас Береснявичюс – известный литовский учёный, его специальность – религиоведение, наука о богах разных народов, о том, какие святилища возводят в их честь, как им молятся, какие приносят жертвы... Гинтарас Береснявичюс исследовал мировые религии, но лучше всего разбирался в верованиях балтийских племён: литовцев, жемайтов, судувов, надрувов, ятвягов, пруссов, латышей и других. Оказывается, балты молились богу земли Пушкайтису – считалось, что он живёт под священным деревом бузиной, и потому они приносили к бузине хлеб и пиво, а у Пушкайтиса просили всяких земных благ и прежде всего хорошего урожая. Балты верили, что у Пушкайтиса есть подданные – похожие на маленьких человечков кауки, барздуки, бездуки и маркополи. Белый Конь, который в этой сказке приснился Волчку и Юле, тоже пришёл из древних верований: Белого Коня балты, как и многие другие народы, считали священным, вот потому-то в сказке Гинтараса

Береснявичюса он изображён как чудесный боевой конь, без помощи которого Волчок не смог бы одолеть Медного Вепря.

Выдуманы в этой книге лишь приключения каучат, Волчка и Юлы.

Вы уже поняли, что Гинтарас Береснявичюс был не только учёным, но и писателем, обладавшим удивительным талантом сплести правду с вымыслом. Студенты Вильнюсского и Каунасского университетов, где преподавал Береснявичюс, часто вспоминают сбивавшие их с толку вопросы, которые он задавал с серьёзным-пресерьёзным лицом. «Неужели вы никогда ангела не видели?!» – спрашивал он так, словно сам каждый день с ангелами за одним столом сидел и чаёк попивал... Для взрослых Гинтарас Береснявичюс написал целую кучу книг: одни – с изобилием житейских подробностей и мудрых слов, другие – с невероятными историями и проделками. Береснявичюс в шутку говорил о себе, будто он – заново родившийся писатель Эрнст Теодор Амадей Гофман, потому что очень любил сказки этого немецкого романтика, да и характерами они были схожи.

Учёный и писатель Гинтарас Береснявичюс был ещё и любящим отцом, растил двух дочек, Гинтаре и Агне, рассказывал им сказки, иногда собственного сочинения. Дочкам папины сказки понравились, и он решил рассказать их всем литовским детям. Так была написана первая детская книга Гинтараса Береснявичюса – «Волчок, Юла и Медный Вепрь».

Сам автор так и не увидел этой книги. Он внезапно умер летом 2006 года совсем ещё молодым, ему было всего 45 лет.

Так пусть хотя бы его книги живут долго – так же долго, как кауки в древнем Лесу.

Гражина Скабейките-Казлаускене

Если тебе дали текст, и ты собираешься рисовать к нему картинки, тебе непременно понадобятся: бумага, карандаши или краски и идеи. Идеи тут играют особую роль, и без них никак не обойтись. Только ведь все они разные: одна любит пошутить – подкрадётся сзади, крикнет «ау!» – и... поминай как звали. С этой твоё дело – не дремать, хватать её и быстро рисовать. Другая прохаживается себе с достоинством и шалить не расположена. Очень уж серьёзная. С такой надо вежливо поздороваться, поговорить о погоде, похвалить её туфельки и пригласить на чаёк. Неплохо и кусок яблочного пирога предложить. А третья сама слетает с неба и прилипает к тебе – и здесь самое главное не спутать её с какой-нибудь пушинкой или пятнышком и не счистить. Так вот: когда у тебя есть текст, бумага, краски и идеи, всё это складывается – и появляется Книга с Картинками. Приятно пахнущая типографской краской...

Лина Дудайте

Р. С. Если в горячий шоколад насыпать жгучего перца – шоколад лучше согревает. Я слышала, что некоторые люди книги прямо-таки «глотают». Тогда иллюстрации – это приправа к книге... Угощайтесь!

Содержание

Кто в лесу живёт	5
Сон погнал в дорогу	10
Не заладилось у дяди Барздукаса	14
Неожиданная встреча	16
Праздник в зарослях сирени	22
Может быть или не может?	29
Сорочья почта	33
На Пустошах тревожно	38
Невзгоды маркополей	43
Каучата в столице Пустошей	46
Сражение с Медным Вепрем	51
Детям пора домой	57
Об авторе этой книги	60

УДК 821.172-053.2

ББК 84(4Лит)

Б48



Для младшего
школьного возраста

Гинтарас Береснявичюс
ВОЛЧОК, ЮЛА И МЕДНЫЙ ВЕПРЬ

Иллюстрации Лины Дудайте

Перевод Александры Васильковой
Редактор Наталья Василькова
Редактор серии Ксения Коваленко
Корректор Ирина Москаленко
Дизайнер Ани Карапетян
Директор производства Акмаль Ахмедов
Издатель Галина Зинькович

ООО «МД Медиа»
115093, г. Москва,
ул. Павловская, д. 18
Тел.: +7 495 789 82 31
Наш адрес в Интернете
www.md-media.ru

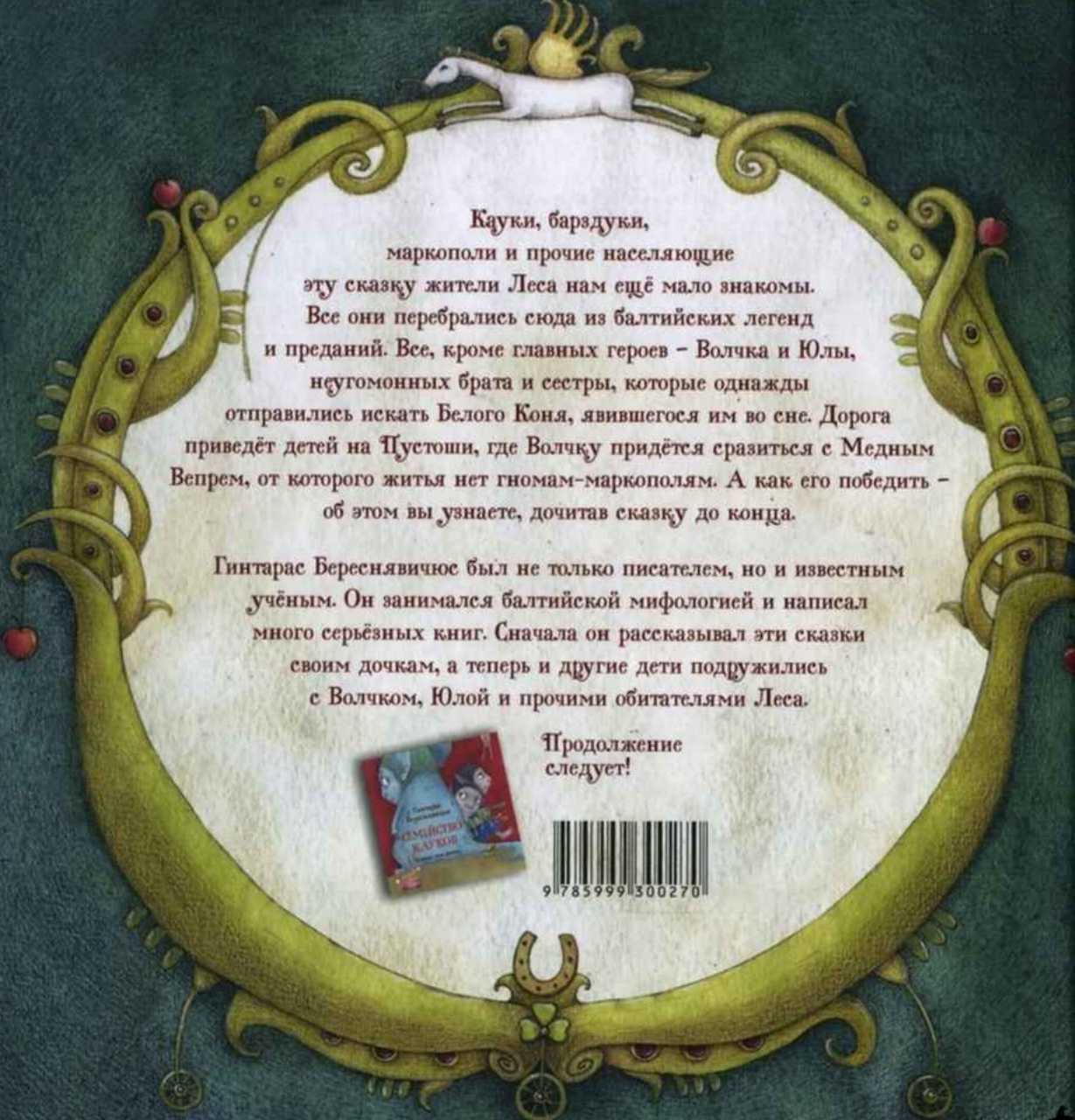
Дорогие дети и взрослые!
Присылайте свои отзывы о книге по адресу
kids@ombooks.ru



ISBN 978-5-9993-0027-0

Gintaras Beresnevičius, text, 2007
Lina Dedaite, illustrations, 2007
First published by Publishing House
"Niekio Rimto" [Vilnius, Lithuania]
© Александра Василькова, перевод, 2010
© ООО «МД Медиа», 2010

Подписано к печати 01.03.2010
Формат 84x100/16
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,24
Тираж 5000 экз. Заказ № 5419
Отпечатано с электронных
носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, г.Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефоны: [4822] 44-52-03, 44-50-34.
Телефон/факс. [4822] 44-42-15
www.tverpk.ru
e-mail: sales@tverpk.ru



Кауки, барздуки,
маркополи и прочие населяющие
эту сказку жители Леса нам ещё мало знакомы.
Все они перебрались сюда из балтийских легенд
и преданий. Все, кроме главных героев – Волчка и Юлы,
неугомонных брата и сестры, которые однажды
отправились искать Белого Коня, явившегося им во сне. Дорога
приведёт детей на Пустоши, где Волчку придётся сразиться с Медным
Вепрем, от которого житья нет гномам-маркополям. А как его победить –
об этом вы узнаете, дочитав сказку до конца.

Гинтарас Береснявичюс был не только писателем, но и известным
учёным. Он занимался балтийской мифологией и написал
много серьёзных книг. Сначала он рассказывал эти сказки
своим дочкам, а теперь и другие дети подружились
с Волчком, Юлой и прочими обитателями Леса.



Продолжение
следует!

